

УДК 81'13

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.21>

Д. М. Миронова

МОДЕЛИРОВАНИЕ СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМ

Статья выполнена в русле системных исследований языка, призванных охарактеризовать его с точки зрения важнейших характеристик онтологии открытых систем. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью такой системной модели языка, которая бы учитывала антропоцентрические функции этого феномена. В поле внимания помещается ряд важнейших аспектов организации языковой системы, как они представлены соотносительно с её функцией – быть средством приобретения, обработки, хранения и трансляции содержания сознания. Данный предмет рассмотрения определяет собой новизну предпринятого исследования, а также соответствующей этому предмету методологии. В качестве ведущего метода устанавливается метод системологической интерпретации языковых / речевых явлений, обусловленных задачами вербальной концептуализации или категоризации объектов действительности. С позиций комплексного подхода, сочетающего в себе установки теории систем и лингвокогнитологии, анализу подвергаются субстанциональные качества естественного языка, под которыми подразумеваются свойства его состава. Когнитивно

ориентированная организация составляющих языковой системы рассматривается в соотношении с такими универсальными принципами организации системных объектов, как наличие субстанциональных ограничений в системе, зависимость целеобразования от внешних и внутренних факторов, взаимное двойное регулирование, относительность воздействия на среду, специализация, координация и отбор наиболее эффективных компонентов. С обращением к частным языковым явлениям из области знаковых средств иллюстрируется реализация законов формирования и регулирования системной организованности, содействующей концептуализации мира с помощью языка.

Ключевые слова: общая теория систем, организация систем, система языка, когнитивная функция языка, концептуализация мира в языке.

Для цитирования: Миронова Д. М. Моделирование субстанциональных свойств языковой системы сквозь призму теории организации систем // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 322–331. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.21

Diana M. Mironova

MODELING OF THE ELEMENTARY PROPERTIES OF A LANGUAGE SYSTEM THROUGH THE PRISM OF THE THEORY ON THE SYSTEMS ORGANIZATION

The research is prepared in line with the system studies of language, designed to characterize it from the point of view of the most important characteristics of system ontology. The relevance of such studies in contemporary linguistics is caused to the insufficient development of the system model of language, taking into account the anthropocentric functions of this phenomenon. Research attention is focused on some of the most important aspects of the organization of the language system, as they are presented in relation to its function – to be a means of acquiring, processing, storing and revealing the content of consciousness. This subject of consideration determines the novelty of the research, as well as the methodology corresponding to this subject. The research put forward as the leading method the method of systemological interpretation of language / speech phenomena caused by the tasks of verbal conceptualization or categorization of real objects. Based on complex approach that combines the attitudes of systems theory and cognitive linguistics, the author makes an analysis of the elementary qualities of natural language, which mean the properties of its

compound. The cognitively directed organization of the components of a language system is considered in relation to such universal principles of the organization of system objects as the presence of substantial limitations in the system, the dependence of goal formation on external and internal factors, mutual double regulation, the relativity of the exposure on the environment, specialization, coordination and selection of the most effective components. With the use of particular linguistic phenomena from the field of sign units the research illustrates the implementation of the laws of formation and regulation of systemic organization, contributing to the language conceptualization of the world.

Key words: general system theory, organization of systems, system of language, cognitive function of language, language conceptualization of the world.

For citation: Mironova D. M. Modeling of the elementary properties of a language system through the prism of the theory on the systems organization // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 322–331. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.21

мым она приближает исследователей к решению ещё одной актуальной задачи языкознания. Она заключается в том, чтобы представить лингвистическое описание в единстве различных сторон системы языка: её состава, структуры и функций.

Эти стороны соответствуют сущностным параметрам системного единства, так что их сопряжение в комплексной модели объекта весьма значимо и является приоритетным, открывая путь к более полной и адекватной картине языковой реальности. В свете антропоцентризма на новой интеллектуальной платформе ставятся вопросы в том числе и о системной организации естественного языка, который теперь рассматривается как сложный адаптивно функционирующий феномен.

В истории становления и развития теории систем (системологии) организационному аспекту уделялось немало внимания: предприняты попытки установить место организации в кругу системных характеристик, определить её природу и назначение, выявить внутренние и внешние организующие факторы. При этом одни исследователи характеризуют организацию в терминах внутренней упорядоченности и согласованности взаимодействия элементов, причисляя её к свойствам строения [39, с. 20; 21, с. 76]. Другие, как, например, основоположник отечественной теории организации (тектологии) А. А. Богданов, связывают организацию в том числе и с функциональной активностью элементов, с их вкладом в функционирование целого [5]. Тем не менее единогласно считается, что организованность Мироздания преобладает над хаотичными явлениями, она обязательно присуща системе и именно от качества организации во многом зависит уровень целостности системного единства.

Организационная сторона системы может складываться за счёт функционально обусловленных ограничений на ресурсы (состав и процессы), содействующих цели системы, или достигаться благодаря разнообразию состояний элементов в рамках системы (во время лекции не играют в волейбол) [38].

Обзор теорий и концепций, предложенных в русле отечественной когнитивной лингвистики [3; 6; 7; 9; 10; 15; 19; 30; 31], а также практика их использования на конкретном материале приводят к заключению о том, что исследования мыслительно-языкового взаимодействия создают благоприятную почву для моделирования организации языковой системы в её естественной коммуникативно-когнитивной ипостаси. Функция языка служить инструментом приобретения, хранения и передачи знаний в этом случае выступает как такое конструктивное звено, которое опосредует взаимодействие многих системно-языковых параметров с концептуальной надсистемой, с сознанием и мышлением человека. Далее рассмотрим основные принципы организации реальной системы, как они воплощаются прежде всего на уровне субстанциональных параметров языка при выполнении им когнитивной функции. Под принципами онтологии систем в наших исследованиях мы подразумеваем такие объектив-

но присущие системе основные законы и правила её поведения, которые не подвержены влиянию внешних и внутренних факторов и оказываются значимыми при синтезе, анализе и управлении систем.

Когнитивно обусловленные характеристики состава языковой системы в свете теории организации. Один из ведущих принципов системной организации находим в самом определении системы, интерпретируемой как функционально детерминированный комплекс, который складывается, как правило, с целью выполнения какой-либо задачи, поставленной системе извне или заданной собственным целеполаганием. Как следствие, цель функционирования системы универсально определяет собой всевозможные внутрисистемные ограничения в плане состава и структуры системного объекта. В проекции на мыслительно-языковое взаимодействие отметим, что подобным же образом естественный язык, согласуя концептуальные системы участников общения, адаптирует свойства строения под эту магистральную задачу. В наши дни взаимопонимание в вербальном общении всё чаще составляет предмет интереса лингвистов (см. в этой связи научные работы Н. Н. Болдырева, И. А. Куприевой, Л. В. Бронник, Г. Н. Манаенко, Н. Н. Альбекова). К примеру, Н. Н. Альбеков связывает его достижение с назначением языка «быть посредником между двумя динамическими системами, т.е. между сознаниями коммуникантов», «отражая в семиотических кодах (речи) структуру передающей системы» так, «чтобы принимающая система приняла аналогичное состояние, т.е. понимание» [2, с. 64]. В свою очередь, Г. Н. Манаенко объясняет эти явления необходимостью воздействия на партнёра по общению соответственно интенциям говорящего и подчёркивает основополагающую роль речевых произведений для координации индивидуальных систем знаний [21, с. 31]. Таким образом, человеческий язык как познавательный инструмент является материально-идеальной подсистемой когниции, выступая как целенаправленное знаковое средство фиксации, структурирования и объективации концептуального содержания в вербальном общении.

Данный факт логически связан с глобальным организационным принципом, который утверждает комплексную зависимость целеобразования от внешних и внутренних факторов. Это предполагает внимание не только к имманентным свойствам и внутренней программе системы, но и к внешним по отношению к системе факторам, то есть к факторам среды. Они особенно значимы для систем с полным или частичным внешним регулированием (управлением), что наблюдается и в случае человеческого языка: представляя собой один из видов когнитивных способностей, он функционирует как подсистема когниции, как своего рода

производное от сознания и мышления человека [14, с. 10], «проецирующее в себе» их особенности. Поэтому с системных позиций совершенно закономерен тот факт, что в своей организации система языка оказывается максимально приспособленной для участия в когнитивных процессах и, по сравнению с другими семиотическими системами, оптимальным образом вовлекается в процессы получения, хранения и использования мыслительного содержания. Междисциплинарные исследования в области когнитологии, в том числе семиотики, логики и теории информации [см., например, 14; 23; 27], позволяют отметить в этой связи семантическое разнообразие и широкую комбинаторику языковых единиц, передающих различные форматы знания, гибкость естественного языка с точки зрения информационной избыточности. К этому ряду системнозначимых характеристик примыкают способность вербальных знаков служить базисом для продуцирования новых концептов, обеспечивать субъективные интерпретации знаний и обслуживать креативные потребности мышления человека.

Так, например, отношение репрезентации когниции в языке направляет собой актуализацию коммуникативно востребованных концептов с помощью номинативных полей, которые содержат единицы морфемного, лексического, синтаксического уровней. Так, концепт ВРЕМЯ в русском языке может актуализироваться аффиксами (посмотре -л-а, постсоветский, дореволюционный), лексемами (минута, месяц, год, вчера, сегодня, позавчерашний, трёхдневный и т.д.), синтаксическими конструкциями (Блины пекут на молоке, Цыплят по осени считают (Vfpl3, 'всегда, регулярно') – На оставшемся молоке она испекла блины, Она отправилась во двор пересчитать цветных цыплят (N1Vf, 'здесь и сейчас') и т. д. Концепт оказывается связующим звеном между когнитивной метасистемой и многоуровневой семантикой её языковых «коррелятов», определяя состав передающих его вербальных единиц и содержание языковой картины мира. Тем самым в межпоколенческом измерении становится возможной кумулятивная функция языка: значительная часть опыта (информационная база) приходит к человеку через язык.

В свою очередь, с опорой на статику или динамику бытования концептов осуществляется организация значения и смысла. Тематические концепты представляет собой более или менее фиксированный «слепок» концептуально-языкового взаимодействия в долговременной памяти человека, тогда как операционные содержат в себе результат преобразования тематических концептов [6] посредством конкретных когнитивных механизмов и с учётом коммуникативно-прагматического контекста. Организующим началом преобразования тематического концепта в опе-

рационный служат вербализуемые межконцептуальные связи. За семантическим согласованием имён и предикатов «просвечивает» опосредованная концептуализацией «логика соотношений вещей и их свойств» [6, с. 22], относительно которой устанавливается координирующая организация знаков в составе единиц более высокого уровня.

Фундаментальными также являются структурирующие схемы организации концептуального содержания в семантическом пространстве. Среди них – выделение профиля и основания, выбор когнитивного контекста и перспективы осмысления объекта, определение уровня конкретизации, фокусировка тех или иных элементов объекта, установление фигуры и фона как параметров когнитивной выделенности вербализуемых знаний [43]. К примеру, выделение одной или ряда концептуальных признаков (профиля) в некоторой когнитивной области (основании) обнаруживает своё действие при формировании производных значений слова и выступает как внешний организующий фактор. Наиболее частотные проявления такого рода схем лежат в основе организации продуктивных моделей полисемии (ср., к примеру, контейнерную метафору или регулярное формирование метафор-цветообзначений вроде малиновый, лимонный, мышинный в русском и других языках мира).

Другой пример когнитивно обусловленных и организующих ограничений языковых ресурсов находим в сфере смысловой конкретизации. В этой связи особое внимание обращают на себя абстрактные имена (любовь, справедливость, жизнь, пространство, интеллект), поскольку они помогают реализовать специфическую для сознания человека способность отражать предметы и явления действительности обобщённо и опосредствованно, в отвлечении от конкретно-деятельностных ситуаций [9, с. 160]. Эволюционно данное свойство формируется благодаря абстрагированию знакового кода от практической деятельности. В этом контексте А. Р. Лурия говорит о постепенном переходе от симпрактического характера значения слова к значению-абстракции и об упрочившемся использовании языковых знаков в роли материальной опоры для построения ментальных моделей и оперирования абстракциями [18, с. 38–39].

Существенное влияние на организацию языковой системы оказывают не только когнитивно обусловленные ограничения её элементов, но и сам закономерный, упорядоченный характер концептуализации и её результатов. Неслучайно в обиходе когнитивной лингвистики активно используется термин «когнитивная структура». Он акцентирует упорядоченный характер когнитивных элементов внутри мыслительных единиц [13, с. 64]. Как полагают представители философской и психологической мысли [1; см. также 11; 33],

предпосылка структурирования познавательных процессов заключается в системной онтологии самого мироздания, которое упорядочено по своей сути. Это полностью согласуется с общенаучными представлениями о мире и предполагает определённую структурированность умственных подходов, а впоследствии – ту или иную организацию ментальных репрезентаций. В трудах по когнитивной психологии уровень системного, а значит, и наиболее структурированного представления действительности, связывается с социально-человеческим этапом когнитивного развития, вступающим в действие уже в трёхлетнем возрасте. Поэтому в ходе концептуализации объекта действительности и при передаче знания о нём единицы мыслительного содержания определённым образом упорядочиваются [13, с. 64]. Процессы кодирования и хранения концептов в семантической памяти человека также подразумевают структурную организацию как между концептами в концептосфере, так и между их отдельными характеристиками.

Лингвокреативность представляет собою ещё один системообразующий ментальный фактор организации языка / речи, поскольку лежит в основе отбора и множественного конструирования семантики языковых единиц сообразно ситуации общения, опорному знанию и выбранной когнитивной схеме [25, с. 35]. Выборочная концептуализация действительности в языке и речи подчиняется мыслительным возможностям носителя языка, особенностям его культуры и прагматическим мотивам говорящего как интерпретатора выражаемого смысла. При этом, на наш взгляд, правомерно вести речь о том, что интенциональный аспект познавательной деятельности как внешний фактор ресурсных ограничений в системе языка подчинён некоторой детерминанте функционирования концептуальной надсистемы [24].

Понятие системной детерминанты введено в научный обиход отечественным учёным-энциклопедистом Г.П. Мельниковым в работе «Язык как система и языковые универсалии». Оно фиксирует «главный способ функционирования» [22], определяющий многие параметры системы. Как пишет автор упомянутой работы, система самонастраивается, оптимизируется «по данной конкретной детерминанте» [22], и, следовательно, использование понятия детерминанты в системных исследованиях языка обладает определённой эвристичностью, позволяя на единых основаниях выявить и показать то, насколько «всё в системе не случайно, предопределено, взаимно согласовано...» [22]. Сообразно специфике задач, стоящих перед человеком в процессе познания и преобразования мира, когнитивная детерминанта регулирует выбор способов получения и обработки информации, в том числе определяет необходимую глубину отражения постигаемого

объекта в сознании. Детерминанта когнитивной метасистемы организует языковые единицы «вокруг» принципиальных форм общественного сознания в мифологии, религии, науке, искусстве и обиходно-бытовой жизнедеятельности. С каждой из них соотносима своя специфика концептосферы и, следовательно, специфичная языковая картина мира: мифологическая, мировоззренческая, художественная, религиозная, научная и бытовая (наивная) соответственно. Используя сочетание когнитивной схемы с той или иной детерминантой, говорящий осуществляет выбор языковых единиц в речемыслительной деятельности и креативно «формирует смыслы, а не воспроизводит их в готовом виде» [6, с. 26].

Исходя из той роли, которую естественный язык играет для когнитивной деятельности, существенно его обратное организующее влияние на концептуальную систему, что в культурологической интерпретации специально подчёркивает гипотеза Сепира-Уорфа [36]. В этом усматривается проявление принципа относительности в общей теории организации. Он постулирует конституирующее, дезорганизующее либо нейтральное воздействие системы на компоненты её среды и допускает вариативность вариативность такого воздействия в зависимости природы взаимодействующих систем и от конкретной ситуации взаимодействия. Здесь важно обратить внимание на то, что в отличие от множества других знаковых систем естественный язык выполняет по отношению к когниции функцию построения первичной семиотической модели мира. Его компоненты онтологически, то есть «изначально предназначены для выполнения знаковой функции» указания на конкретные и абстрактные объекты (курсив наш. – Д.М.) [20, с. 113]. Одновременно в динамическом плане формулирование мысли на языке означает собственно её формирование [8]. В качестве частного примера организующего воздействия на среду можно привести прямо пропорциональную зависимость между спецификой грамматического строя языка и склонностью его носителей более успешно совершать когнитивные операции определённого рода. Так, согласно новейшим исследованиям, носители языков с левым ветвлением (японский, аварский) лучше запоминают начальные фрагменты последовательностей, тогда как конечные фрагменты лучше сохраняются в памяти носителей языков с правым ветвлением (английский, русский и многие другие индоевропейские языки) [40].

Вместе с тем следует помнить, что роль языка в познании не абсолютна, хотя и носит выражено организующий характер: часть знаний приобретается и транслируется без участия языковых единиц, на основе невербального мышления и с привлечением знаковых систем иной природы (ср., скажем, семиотику искусства, системы

сигнализации, невербальные компоненты общения). Поэтому и судить о когнитивной картине мира по языковой можно лишь в ограниченном масштабе.

Динамическая адаптация естественного языка относительно запросов его концептуальной среды становится возможной благодаря формирующим и регулирующим механизмам обратной связи, на что указывает следующий важный принцип организации систем. Обратная связь, или «взаимное двойное регулирование» [5], мыслится как отклик параметров системы на воздействие внешних факторов. Отрицательная обратная связь компенсирует внутреннее отклонение ради поддержания внутренней устойчивости (гомеостаза). Положительная связь, напротив, наращивает изменение внутреннего состояния вплоть до изменения качества, если это благоприятствует реализации задач системы [34, с. 35; 38, с. 21]. Тем самым достигается динамическое равновесие и самоорганизация объекта-системы, позволяющие ей устойчиво выполнять заданные функции в условиях смены стабилизирующих и дестабилизирующих воздействий.

Ориентация на когницию определяет закономерное преобладание положительных обратных связей языковой системы с концептуальной на основе активного информационного обмена. Это иллюстрирует когнитивная трактовка языковых значений, представленная в ряде его дефиниций: «понятия, связанные знаками» (М.В. Никитин) [26], схваченные знаком концепты (Е.С. Кубрякова) [16], «когнитивные структуры, включённые в модели знания и мнения» [6, с. 106]. В более детальной формулировке, языковое значение даёт возможность человеку, «манипулируя... вербальными символами, манипулировать концептами... <...> и строить новые концептуальные структуры», обусловленные не только познаваемой действительностью, но и самой концептуальной системой [27, с. 113-114]. Семантическая сторона языка, таким образом, предстаёт в качестве сигнатуры языковой системы, то есть той её части, которая наиболее тесно взаимодействует с когнитивной средой, а через её посредство, – со всем умопостижимым миром: «язык через значение выходит в мир» [31, с. 12].

Организующие обратные связи языковой системы с когнитивной средой проявляются как на уровне репрезентативного, так и семиотического аспектов языка. Следовательно, они проявляют себя не только на уровне статической репрезентации знаний о мире с помощью знаковых единиц (репрезентативный аспект языка [7, с. 6]), но и в динамике означивания и трансляции ментальных репрезентаций, учитывая конкретные условия номинации и коммуникации по правилам данного языка (семиотический аспект языка [7, с. 6]), словообразовательным (диванообразная поза,

шорт-лист, зумиться, френдить, вебка и др.), морфологическим (лофты, кросы, тэйкните), синтаксическим (Вошла и стоит у входа: $N_1V_f \rightarrow V_f$, Каждому человеку – достойную жизнь: $N_1V_f \rightarrow \emptyset$, Мальчик рос любознательным, Девушка казалась задумчивой: $N_1V_f + N_1\text{copAdj}_{f1/5} \rightarrow N_1V_f \text{Adj}_{f1/5}$).

Действием обратных связей обеспечиваются регулирующие ограничения, накладываемые на семантическое разнообразие элементов и их состояний. Возможность этих ограничений обеспечивается различными когнитивными и языковыми механизмами работы с новой информацией или уже имеющимися знаниями. И если способность формировать концептуальные репрезентации присуща всем говорящим как свойство психики, то их конкретное содержание, как и вербализация на уровне значения или смысла зависит от субъективного и социального опыта носителя языка (исторического, географического, национального, образовательного и т.д.). В этой связи уместно сравнить наличие более чем двух десятков наименований снега в языке эскимосов или нескольких десятков обозначений риса в корейском, равно как и межкультурные различия в дробности разработки лексической категории пространства в двухчленных и трёхчленных парадигмах указательности (ср., например, русский и испанский языки). А в пределах австронезийской семьи, включающей около 1257 разноликих языков, системы пространственной референции выстраиваются «с привязкой» к конкретному ландшафту: на ассоциациях с течением реки, движением солнца, положением главного холма или звёзд, положением моря, озера, тропы [42].

Активизация организующих обратных связей языка с когницией может быть ярко проиллюстрирована и на уровне перехода виртуального значения в актуальный смысл, имеющий когнитивный «коррелят» в виде преобразования тематического концепта в операционный. Этот аспект семантики языка, в свою очередь, подчёркивают такие дефиниции значения, которые подразумевают под ним «подвижный семантический кластер, включающий конфигурацию необходимых семантических компонентов, формируемый в сознании носителя языка исходя из особенностей окружающего контекста...» [29, с. 97].

Ключевая роль функциональных характеристик в процессах системной организации предопределяет и свойства специализации, координации и отбора элементов, что является необходимым на уровне формирования и регуляции языковых структур. Неслучайно уже сама дефиниция понятия «элемент» содержит в своём составе операционный признак. Так, согласно учению о системах, элементом считается простейшая часть системы, выполняющая определённую функцию и тем самым вносящая собственный вклад в достижение общей цели системы. Соответственно,

само вычленение компонентов системы обычно производится в зависимости от их специальных задач в составе системы [4]. Взаимодействия элементов в процессе реализации собственных подфункций образуют внутренние обратные связи (в том числе информационные), создающие организационную структуру системного феномена. Последняя предусматривает в том числе согласованную, координированную деятельность частей системы. Причём именно эта непротиворечивость и специфическая согласованность функций элементов «отличает гармоничную систему от хаотического набора предметов и процессов» [12, с. 117] и делает возможным эффект синергизма.

Взаимодополняющая специализация единиц системы, в том числе и языковой, их целостность, обусловленная координацией, обеспечивают полноту и эффективность функционирования системы, реализуя важнейший в теории организации принцип функционального отношения каждого элемента к целому [5]. Так, в проекции на лингвоментальную организацию частный, но принципиальный случай выражения этих свойств является собой комплементарность знаковых единиц с точки передачи ими когнитивных структур. В частности, они могут объективировать перцептивные, логико-понятийные и интерпретирующие признаки мыслительной единицы, содействуя многогранному моделированию этой единицы в речи или языке. В комплексе перечисленные классы признаков соответствуют этапам познания материального объекта, последовательно сменяющим друг друга: эмпирическому, рациональному и вторичному [18; см. также 19; 32]. Специфика данных ступеней познания организует языковые и речевые единицы, ограничивая их смысловые задачи. Скажем, сочетание белое золото, блеск золота, горячее золото, шершавый слиток золота репрезентируют визуальный и тактильный образ в составе концепта ЗОЛОТО; номинации медистое золото, парамагнитные свойства золота, золотое кольцо передают логико-понятийное содержание, а выражения золотой мастер, золото хлебных полей, Золотко ты моё! являются результатом применения оценочного и эмоционального модусов интерпретации концепта.

Кроме того, разнообразие познаваемых объектов и детерминант когниции вызывают неоднородность концептуализации «по своей направленности, степени обобщения, объёму получаемых знаний... а также по тем когнитивным и языковым механизмам, которые задействованы...» [6, с. 69]. В результате в сознании складываются концепты разной сложности и абстракции [6, с. 39], так что их взаимодополняющая объективация в языке содействует формированию наиболее полной языковой картины мира. Разнообразие языковых

единиц с точки зрения их когнитивных оснований оптимально для функциональной устойчивости семиотической системы.

Семантико-когнитивный анализ разноуровневых средств языковой манифестации концепта позволяет наблюдать системное явление «сосредоточения функций», при котором «функция более низкого уровня является декомпозицией функции более высокого» [17]. В частности, это заметно на примере морфологической транспозиции, когда значение грамматических (морфологических) форм актуализационно преобразуется в зависимости от значения более высокого порядка – синтаксического: Завтра, когда я получу билет, сразу лечу к друзьям, Будь она с билетом сейчас – уже бы отправилась в гости к друзьям, Встал и пошёл писать диплом! (волеизъявление).

Креативные свойства мышления, его способность опираться на различные когнитивные детерминанты приводят к тому, что в языках мира существует множество альтернативных средств членения и обозначения некоторого фрагмента опыта. Поскольку же семантическое пространство языка транслирует коммуникативно значимую часть концептосферы, его важность в культуре пользователей языком прямо пропорционально числу таких средств, среди которых синонимы, номинализации, перифразы и аллегории, варианты образования. Таким образом, одному элементу концептуальной системы могут соответствовать более одного элемента языковой, то есть в субстанциональном аспекте организации две взаимодействующие системы обнаруживают частичный изоморфизм, свойственный, как правило, реальным системам.

Альтернативная передача концептуального содержания в процессе вербальной коммуникации относится к фактам когнитивно обусловленного полиморфизма элементов языка. Данное универсальное качество организации систем получило подробную разработку в трудах Ю.А. Урманцева, который называл полиморфичными компоненты системы, «различающиеся по числу и (или) отношению “строящих” их элементов» и признаков [37, с.18–20]. Для системы коммуникации, какой является естественный язык, наличие полиморфично организованных элементов повышает её эквивалентность, то есть возможность различными способами получать относительно сходный смысловой результат при передаче концептуального содержания.

Системная согласованность языковых единиц при формировании смысла проявляется также во взаимодействии их семиотической и репрезентативной сторон, лексической и грамматической семантики: лексическое значение профилирует в сознании определённую когнитивную область – актуализируемое содержание концепта, грамматическое значение транслирует наиболее общие

логические категории и структурирует концептуальное содержание по правилам данного языка [28, с. 202].

По принципу подбора (отбора), в ходе адаптивного исторического развития система сохраняет наиболее эффективные, благоприятные для её цели «организованности» в виде своих компонентов и структур, что создаёт существенную предпосылку для изменчивости системной организации [12, с. 71-72]. При этом, как подчёркивает А.А. Богданов в своей концепции организации, изменчивость зачастую сопровождается явлением ингрессии, т.е. развитием систем за счёт комбинаций, соединений различных компонентов, имеющих общие, «посредствующие» звенья [5, с. 156]. Формирование более сложных компонентов по принципу ингрессии нередко сопровождается системным эффектом, известным в науке как эмерджентность. Речь идёт о возникновении такого интегративного качества, которое не выводимо из суммирования свойств элементов.

Данная черта организационных процессов также находит выражение в семантическом плане языка / речи и восходит к когнитивным феноменам на уровне новообразованных вторичных структур знания. В настоящее время общепризнанно, что такие структуры представляют собой бленды (от англ. blend – ‘смешение, сплав’), основанные на установлении новых связей между концептуальными единицами и не эквивалентные по содержанию исходным структурам [41]. Соответственно, вербальные репрезентации этих структур (производные ЛСВ, лексические дериваты, сравнения, гибридные части речи, эмотивные, оценочные слова, смысл высказывания и нек. другие) также характеризуются не суммативными смысловыми приращениями. К примеру, семантика оценочных слов складывается и бытует как уникальное гетерогенное единство признаков дескриптивного и аксиологического порядка: «умный» – 1. ‘Тот, кто

обладает хорошим, ясным умом; достаточно толковый человек»; «мещанство» – 2. перен. Психология и идеология мещанина, характеризующиеся мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором»; ‘Проявление такой психология и идеология в быту’ [35]. В опоре на функциональную сопряжённость частеречных морфологических концептов образуются и гибридные значения причастий, деепричастий, номинализаций, интерпретирующие один признак онтологии мира (действие, качество) сквозь призму другого (качество, вещьность).

Проведённое исследование позволяет нам констатировать, что субстанциональный план языковой системы обнаруживает масштабный концептуально направленный характер на уровне целого ряда аспектов системной организации: от детерминации ограничений на внутренние знаковые ресурсы языка до воздействия его на саму концептуальную среду-метасистему. Данный факт вновь акцентирует большую значимость естественного языка в процессах человеческого познания. Благодаря оптимальной для этих целей, исторически выработанной организации языковая система на протяжении многих веков выступает главным посредником между членами социума и ментально отображаемой действительностью, оказывая влияние на картину мира человека и развитие его интеллекта. Исследование языковой когниции сквозь призму её системности открывает новые перспективы в изучении человеческого фактора в языке и, безусловно, приближает исследователя к более адекватному пониманию общих и частных сторон реализации системных качеств объекта лингвистики. Перспективы данного исследования могут быть обращены к более полному набору структурно-языковых свойств, рассматриваемых с точки зрения теории организации.

Список литературы

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 608 с.
2. Альбеков Н. Н. Эмерджентность языковой системы как результат функционирования речевых единиц: дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.19. Грозный, 2020. 332 с.
3. Беседина Н. А. Теоретические аспекты исследования процессов языковой концептуализации // Труды по когнитивной лингвистике: сб. науч. статей. Кемерово: КемГУ, 2008. С. 10-15.
4. Блюмин А. М. Теория систем и системный анализ. URL: <https://psihdocs.ru/a-m-blyumin-teoriya-sistem-i-sistemnij-analiz-module-1-osnovi.html> (Дата обращения: 5.11.2021)
5. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). Кн.1. М.: Экономика, 1989. 304 с.
6. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.
7. Болдырев Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 5-13.
8. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
9. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
10. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 108 с.
11. Кошелев А. Д. О качественном отличии человека от антропоида // Разумное поведение и язык. 2008. Вып 1. С. 193–231.
12. Крайнюченко И. В., Попов В. П. Системное мировоззрение. Теория и анализ. Пятигорск.: ИНЭУ, 2005. 218 с.
13. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
14. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Языки славянской культуры; Знак, 2012. 208 с.

15. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
16. Кубрякова Е. С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 4-21.
17. Куликов Г. Г. Теория систем и системный анализ. URL: <https://pandia.ru/text/78/396/33098.php> (Дата обращения: 2.11.2021).
18. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1998. 336 с.
19. Магировская, О. В. Уровни концептуализации в языке // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 78–96.
20. Манаенко Г. Н. Язык как система производства знаков // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XVI. С. 109–117.
21. Манаенко Г. Н. Соотношение концепт – значение языкового выражения // Научный диалог. 2012. Вып. 3. Филология. С. 24-32.
22. Мельников Г. П. Язык как система и языковые универсалии // Системные исследования. Ежегодник. URL: <http://philologos.narod.ru/melnikov/universals.htm> (Дата обращения: 17.10.2021)
23. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2007. 428 с.
24. Миронова Д. М. Концептуальные основы репрезентации системности в современном русском языке: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01. Тамбов, 2017. 232 с.
25. Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. 232 с.
26. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
27. Павилёнис Р. А. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
28. Панасенко Л. А. Проблема взаимодействия лексики и грамматики на функциональном уровне в свете когнитивного подхода к языку (на материале английского языка) // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: Материалы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 202–207.
29. Песина С.А., Зимарева О. Л. Кластерная семантика т антропоцентрическая парадигма // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 95-100.
30. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.
31. Пятаева Н. В. Антропоцентрический принцип современного языкознания и понятия картины мира // Филологический класс. 2004. Вып.12. С.47-54.
32. Сеченов И. М. Элементы мысли. СПб: Лениздат, 2014. 221 с.
33. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
34. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ. Киев: МЛУП, 2003. 368 с.
35. Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т. Ф. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (Дата обращения: 28.10.2021)
36. Уорф Б. Л. Наука и языкознание: о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Зарубежная лингвистика, 1999. Ч. 1. С. 92–105.
37. Урманцев Ю. А. Девять плюс один этюд о системной философии. Синтез мировоззрений. М.: Институт Холодинамики, 2001. 160 с.
38. Фетисов В. А., Перлюк В. В. Системный анализ. Санкт-Петербург: ГУАП, 2010. 123 с.
39. Чернышов В. Н., Чернышов А. В. Теория систем и системный анализ. Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. 96 с.
40. Amici F., Sánchez-Amaro A., Sebastián-Enesco C. et al. The word order of languages predicts native speakers // Nature. 2019. Vol. 9 (1). P. 1-10.
41. Fauconnier G., Turner M. Blending As A Central Process of Grammar // Conceptual Structure, Discourse, and Language. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Blending-as-a-Central-Process-of-Grammar-Fauconnier-Turner/9a78371abec2467f8275f5a8e188c9ab899bb60> (Дата обращения: 22.10.2021)
42. Francois A. Reconstructing the geocentric system of Proto-Oceanic // Oceanic linguistics. 2004. Vol. 43 (1). URL: <https://www.researchgate.net/journal/Oceanic-Linguistics-1527-9421> (Дата обращения: 17.11.2021)
43. Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.

References

1. Alekseev P. V., Panin A. V. *Filosofiya (Philosophy)*. Moscow: TK Velbi, Izdatelstvo Prospekt Publ., 2005. 608 p. (In Russian).
2. Al'bekov N. N. Emerdzhentnost' yazykovoi sistemy kak rezul'tat funktsionirovaniya rechevykh edinits (Emergence of the Language System as a Result of the Functioning of Speech Units): thesis. Groznyi, 2020. 332 p. (In Russian).
3. Besedina N. A. Teoreticheskie aspekty issledovaniya protsessov yazykovoi kontseptualizatsii (Theoretical Aspects of the Study of Linguistic Conceptualization Processes) // Trudy po kognitivnoi lingvistike. Kemerovo: KemSU Publ., 2008. P. 10-15. (In Russian).
4. Blyumin A.M. Teoriya sistem i sistemnyi analiz (Systems Theory and System Analysis). URL: <https://psihdocs.ru/a-m-blyumin-teoriya-sistem-i-sistemnij-analiz-module-1-osnovi.html> (Accessed: 5.11.2021) (In Russian).
5. Bogdanov A. A. Tektologiya: (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka). (Tectology: (General Organizational Science). Moscow: Ekonomika Publ., 1989. 304 p. (In Russian).
6. Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku (Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics). Tambov: TSU named after G.R. Derzhavina Publ., 2014. 236 p. (In Russian).
7. Boldyrev N. N. Aktual'nye zadachi kognitivnoi lingvistiki na sovremenno etape (Actual Tasks of Cognitive Linguistics at the Present Stage) // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2013. No 1. P. 5-13. (In Russian).
8. Vygotskii L. S. Myshlenie i rech' (Thinking and Speech). Moscow: Labirint Publ., 1999. 352 p. (In Russian).
9. Zimnyaya I. A. Lingvopsikholgiya rechevoi deyatel'nosti (Linguopsychology of Speech Activity). Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institute Publ.; Voronezh: NPO «MODEK» Publ, 2001. 432 p. (In Russian).

10. Kolshanskii G. V. Ob»ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke (An Objective Picture of the World in Cognition and Language). Moscow: Nauka Publ., 1990. 108 p. (In Russian).
11. Koshelev A. D. O kachestvennom otlichii cheloveka ot antropoida (About the Qualitative Difference Between a Human and an Anthropoid) // Razumnoe povedenie i yazyk. 2008. Vol. 1. P. 193-231. (In Russian).
12. Krainyuchenko I. V., Popov V. P. Sistemnoe mirovozzrenie. Teoriya i analiz (Systemic Worldview. Theory and Analysis). Pyatigorsk.: INEU Publ., 2005. 218 p.
13. Krasnykh V. V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? ("One's Own" among "Strangers": Myth or Reality?). Moscow: Gnozis Publ., 2003. 375 p. (In Russian).
14. Kubryakova E. S. V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya (In Search of the Essence of Language: Cognitive Research). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.; Znak Publ., 2012. 208 p. (In Russian).
15. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie (Language and Knowledge). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 560 p. (In Russian).
16. Kubryakova E. S. Obespechenie rechevoi deyatelnosti i problemy vnutrennego leksikona (Ensuring speech activity and problems of internal lexicon) // Chelovecheskii faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi. Moscow: Nauka Publ., 1991. P. 4–21. (In Russian).
17. Kulikov G. G. Teoriya sistem i sistemnyi analiz (Systems theory and system analysis). URL: <https://pandia.ru/text/78/396/33098.php> (Accessed: 2.11.2021). (In Russian).
18. Luriya A. R. Yazyk i soznanie (Language and Consciousness). Moscow: Izdatelstvo MGU Publ., 1998. 336 p.
19. Magirovskaya O. V. Urovni kontseptualizatsii v yazyke (Levels of Conceptualization in the Language) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2009. Vol. IV. P. 78-96. (In Russian).
20. Manaenko G. N. Yazyk kak sistema proizvodstva znakov (Language as a Sign Production System) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2013. Vol XVI. P. 109-117. (In Russian).
21. Manaenko G. N. Sootnoshenie kontsept – znachenie yazykovogo vyrazheniya (The Relation of the Concept – Meaning of a Language Expression) // Nauchnyi dialog. 2012. Vol. 3. Filologiya. P. 24-32. (In Russian).
22. Mel'nikov G. P. Yazyk kak sistema i yazykovye universalii (Language as a System and Language Universals). Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik. URL: <http://philologos.narod.ru/melnikov/universals.htm> (Accessed: 17.10.2021). (In Russian).
23. Mechkovskaya N. B. Semiotika. Yazyk. Priroda. Kul'tura (Semiotics. Language. Nature. Culture). Moscow: Akademiya Publ., 2007. 428 p. (In Russian).
24. Mironova D. M. Kontseptual'nye osnovy reprezentatsii sistemnosti v sovremennom russkom yazyke (Conceptual Foundations of the Representation of Systemicity in Contemporary Russian language). Tambov, 2017. 232 p. (In Russian).
25. Naisser U. Poznanie i real'nost': Smysl i printsipy kognitivnoi psikhologii (Cognition and Reality: The Meaning and Principles of Cognitive Psychology). Moscow: Progress Publ., 1981. 232 p. (In Russian).
26. Nikitin M. V. Kurs lingvisticheskoi semantiki (Course of Linguistic Semantics). Sankt-Peterburg: Nauchnyi tsentr problem dialoga Publ., 1996. 760 p. (In Russian).
27. Pavilenis R. A. Problema smysla: sovremennyi logiko-filosofskii analiz yazyka (The Problem of Meaning: Modern Logical and Philosophical Analysis of Language). Moscow: Mysl' Publ., 1983. 286 p. (In Russian).
28. Panasenko L. A. Problema vzaimodeistviya leksiki i grammatiki na funktsional'nom urovne v svete kognitivnogo podkhoda k yazyku (na materiale angliiskogo yazyka) (The Problem of the Interaction of Vocabulary and Grammar at the Functional Level in the Light of the Cognitive Approach to Language (Based on the Material of the English Language)) // Vzaimodeistvie myslitel'nykh i yazykovykh struktur: sobranie nauchnoi shkoly: mat-ly Vseros. nauch. konf. 28 maya 2010 g. Tambov: TSU named after G.R. Derzhavin Publ., 2010. P. 202-207. (In Russian).
29. Pesina S. A., Zimareva O. L. Klaster'naya semantika t antropotsentricheskaya paradigma (Cluster Semantics and Anthropocentric Paradigm) // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2009. Vol. IV. P. 95-100. (In Russian).
30. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika (Cognitive Linguistics). Moscow: AST: Vostok-Zapad Publ., 2010. 314 p. (In Russian).
31. Pyataeva N. V. Antropotsentricheskii printsip sovremennogo yazykoznaniya i ponyatiya kartiny mira (The Anthropocentric Principle of Modern Linguistics and the Concept of the Worldview) // Filologicheskii klass. 2004. Vol.12. P. 47–54. (In Russian).
32. Sechenov I. M. Elementy mysli (Elements of Thought). Sankt-Peterburg: Lenizdat, 2014. 221 p. (In Russian).
33. Skrebtsova T. G. Kognitivnaya lingvistika (Cognitive Linguistics). Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2011. 256 p. (In Russian).
34. Surmin Yu. P. Teoriya sistem i sistemnyi analiz (Systems Theory and System Analysis). Kiev: MLUP Publ., 2003. 368 p. (In Russian).
35. Tolkovyi onlain-slovar' russkogo yazyka Efremovoi T. F. (Explanatory Online Dictionary of the Russian Language by T. F. Efremova). URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (Accessed: 28.10.2021) (In Russian).
36. Uorf B. L. Nauka i yazykoznanie: o dvukh oshibochnykh vozzreniyakh na rech' i myshlenie, kharakterizuyushchikh sistemu estestvennoi logiki, i o tom, kak slova i obychai vliyayut na myshlenie (Science and Linguistics: about Two Erroneous Views on Speech and Thinking that Characterize the System of Natural Logic, and How Words and Customs Affect Thinking) // Zarubezhnaya lingvistika. 1999. Vol. 1. P. 92-105. (In Russian).
37. Urmantsev Yu. A. Devyat' plyus odin etyud o sistemnoi filosofii. Sintez mirovozzrenii (Nine Plus One Etude on Systemic Philosophy. Synthesis of Worldviews). Moscow: Institut Kholodinamiki Publ., 2001. 160 p. (In Russian).
38. Fetisov V. A., Perlyuk V. V. Sistemnyi analiz (System Analysis). Sankt-Peterburg: GUAP Publ., 2010. 123 p. (In Russian).
39. Chernyshov V. N., Chernyshov A. V. Teoriya sistem i sistemnyi analiz: metodicheskie ukazaniya (Systems Theory and System Analysis). Tambov: TSTU Publ., 2010. 96 p. (In Russian).

40. Amici F., Sánchez-Amaro A., Sebastián-Enesco C. et al. The Word Order of Languages Predicts Native Speakers. *Nature*. 2019. Vol. 9 (1). P. 1–10.
41. Fauconnier G., Turner M. Blending As A Central Process of Grammar. *Conceptual Structure, Discourse, and Language*, 1996. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Blending-as-a-Central-Process-of-Grammar-Fauconnier-Turner/9a78371abbec2467f8275f5a8e188c9ab899bb60> (Accessed: 22.10.2021)
42. Francois A. Reconstructing the Geocentric System of Proto-Oceanic. *Oceanic Linguistics*, 2004, Vol. 43 (1). URL: <https://www.researchgate.net/journal/Oceanic-Linguistics-1527-9421> (Accessed: 17.11.2021)
43. Langacker R. W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.

Сведения об авторе

Миронова Диана Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Юго-Западного государственного университета / mir-lina@yandex.ru
Адрес: д. 94, ул. 50 лет Октября, 305040, Курск, Российская Федерация.

Information about the author

Mironova Diana M. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Chair of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University / mir-lina@yandex.ru
The address: 94, 50 let Octyabrya st., 305040, Kursk, Russian Federation.